

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

Научная статья

КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОВОГО ПОДХОДА К БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ¹

Д.С. Тулупов, Г.В. Коцур

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выявить актуальные возможности для использования категории стрессоустойчивости в качестве концептуальной основы нового подхода к борьбе с международным терроризмом. В наиболее общем виде стрессоустойчивость понимают как способность индивида, сообщества или экосистемы возвращаться в прежнее/адаптированное состояние после воздействия шока. Дискурс-анализ публикаций местной периодической печати, посвященных терактам в Санкт-Петербурге и Стокгольме весной 2017 года, позволил авторам сделать два важных вывода. Во-первых, стрессоустойчивость, как прочностная характеристика (городского) социума, формируется внутри него самого, а не насаждается сверху предписаниями официальных органов власти. Во-вторых, стрессоустойчивость городского населения к терроризму как в России, так и в европейских странах имеет ряд одинаковых проявлений. Прежде всего, это призванная смягчить негативные последствия кризиса низовая гражданская самоорганизация, дополненная высокой степенью солидарности жителей города в условиях экстренной ситуации. Более того, необходимо отметить значимость координирующей роли социальных сетей, выступивших в качестве площадки для публичной коммуникации. Востребованность стрессоустойчивости позволяет говорить о том, что на Западе данная концепция сегодня составляет основу новой парадигмы общественной безопасности. При этом в российском общественно-политическом дискурсе стрессоустойчивость фактически не представлена. Тем не менее, авторы выявляют ряд положений в содержании Концепции противодействия терроризму 2009 года, которые можно рассматривать в качестве реальных предпосылок для артикуляции стрессоустойчивости в российском общественно-политическом дискурсе. Восполнение этого пробела может стать стратегически важной задачей в деле совершенствования стратегии РФ в области борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: международный терроризм, стрессоустойчивость, общественная безопасность, борьба с террором, антитеррористические стратегии, гражданская самоорганизация, общественная солидарность

ВВЕДЕНИЕ

После терактов 11 сентября 2001 года международный терроризм прочно вошел в число первоочередных вызовов глобальной безопасности, представляющих экзистенциальную угрозу для всех стран западного мира (включая и Россию). Одна из устойчивых закономерностей в ее эволюции заключается в том,

© Тулупов Д.С., Коцур Г.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

что большинство совершаемых терактов направлено против населения крупных городов. Цель — оказать деморализующее психологическое воздействие и разрушить привычный ход общественной жизни. Соответственно, возникает вопрос о наличии реальных возможностей по противодействию этому вызову. Пока наиболее распространенным ответом на него является максимальное (в отдельных странах уже на постоянной основе) ужесточение стандартных мер безопасности со стороны полиции и спецслужб, как, например, усиленное патрулирование улиц и объектов городской инфраструктуры (в первую очередь метро), а также активизация контрразведывательной работы по выявлению джихадистов и сочувствующих им лиц. Наиболее ярко издержки такой «патерналистской» модели обеспечения общественной безопасности прокомментировал бывший руководитель разведывательной службы Бельгии Ален Винантс. Высказывая свою точку зрения по поводу теракта на Вестминстерском мосту 22 марта 2017 года, он признался, что не знает, «может ли это помочь остановить последующие атаки, так как весь город перекрыть невозможно... усиленные меры безопасности могут помочь людям чувствовать себя более спокойно, но это, в свою очередь, может способствовать размыванию основ западной демократии» [20]. В любом случае, по заключению А. Винантса альтернативы этим мерам пока не существует [20].

В значительной степени именно неотвратимость угрозы международного терроризма и жизненная потребность в поиске мер противодействия стали катализаторами роста популярности концепции стрессоустойчивости (resilience) на Западе. В общественно-политическом дискурсе таких европейских стран, как, например, Великобритания [4], Франция [16] и Швеция [19] после совершенных в их столицах терактах понятие стрессоустойчивости стало всеобщим рефреном сопротивления данной угрозе. В официальных документах, посвященных политике национальной безопасности, данная концепция активно используется уже с середины 2000-х годов¹. Дополнительным показателем ее востребованности является устойчивый рост научных публикаций, посвященных стрессоустойчивости [9].

Целью данной статьи является выявление актуальных возможностей и перспектив использования стрессоустойчивости в качестве концептуальной основы нового подхода к борьбе с международным терроризмом. Для решения поставленной цели авторы поставили перед собой следующие задачи. Во-первых, охарак-

¹ The National Security Strategy of the United Kingdom: Security in an Interdependent World // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228539/7291.pdf. Дата обращения: 19.07.2017; French White Paper on Defense and National Security of 2013 // The Official Site of the Ministry of the Armed Forces of France. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiyutjDwMLVAhWEOhQKHVVKArUQFfgnMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.defense.gouv.fr%2Fcontent%2Fdownload%2F215253%2F2394121%2Ffile%2FWhite%2520paper%2520on%2520defense%2520%25202013.pdf&usg=AFQjCNHCpoexTwXXXr4ov8Hpm3pIZu2LjA>. Дата обращения: 19.07.2017; White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr // The Official Site of the German Marshall Fund of the United States. Режим доступа: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr>. Дата обращения: 19.07.2017.

теризовать содержание концепции стрессоустойчивости. Во-вторых, рассмотреть место и роль стрессоустойчивости в стратегиях анти-террористической борьбы, утвержденных на уровне правительств европейских государств. И в-третьих, на основании сравнительного анализа публикаций в местной периодической печати выявить основные признаки стрессоустойчивости в реакции жителей Санкт-Петербурга и Стокгольма на теракты, произошедшие в этих двух городах в апреле 2017 года. Оба события произошли почти одновременно, сопоставимы между собой и по количеству жертв, и по вызванному общественному резонансу. Однако при всей схожести указанных параметров можно ли говорить об идентичном характере проявления стрессоустойчивости в Санкт-Петербурге и Стокгольме или все-таки можно выявить некоторые отличительные черты?

КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ: ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В самом общем виде стрессоустойчивость можно определить как способность индивида, сообщества или экосистемы возвращаться в прежнее/адаптированное состояние. Изначально данный термин был введен в научный оборот и разработан известным канадским экологом Кроуфордом Холлингом в 1973 году [14. Р. 1—23]. В своей основополагающей статье он писал о том, что стрессоустойчивая экосистема способна восстанавливаться после внешнего шока (например, наводнения или тайфуна) в своем прежнем виде, без изменения качественных параметров. При этом К. Холлинг делает принципиально важное замечание, что стрессоустойчивость основана на том, что (эко)система должна быть *подготовлена* к определенному вызову, но заранее предугадать его наступление она не может, оставаясь в состоянии неопределенности [14. Р. 21]. Австралийский социолог Пэта О'Мэлли также уточняет, что стрессоустойчивость не следует сводить к управлению количественно просчитанными рисками: с его точки зрения, для любого субъекта она служит универсальным инструментом управления чрезвычайной неопределенностью [21. Р. 21]. Три десятилетия спустя К. Холлинг усовершенствовал свою модель стрессоустойчивости, введя понятие «адаптивных циклов» социологической системы: согласно точке зрения канадца и его соавторов, она находится в состоянии постоянного изменения и проходит через ряд чередующихся этапов в своей эволюции [15]. Подобная схема демонстрирует более сложный подход к соотношению статики и динамики, где система демонстрирует перманентную адаптацию к условиям среды.

Получив распространение в экологии, а затем в психологии и городском планировании, стрессоустойчивость с начала 2000-х годов привлекает все больше внимания специалистов в области политических исследований (и, в частности, тех, кто занимается изучением проблемы международного терроризма). Часть из них принимают стрессоустойчивость как данность и рассматривают возможности ее усиления в неустойчивых обществах на Глобальном Юге [23] или перед лицом новых угроз вроде международного терроризма [6]. Другие [10; 13; 17] — резко обличают концепцию стрессоустойчивости как новую репрессивную раз-

новидность неолиберального управления, когда государство спускает на низовой уровень свои обязанности по обеспечению безопасности. Наконец, определенная часть исследователей солидарны с видением стрессоустойчивости как гегемонистской неолиберальной техники управления, однако выделяют в складывающейся конфигурации биополитики эмансипаторные возможности [8; 11].

В свою очередь, Дж. Коффи и П. Фасси [7] описали три основополагающих подхода к обеспечению стрессоустойчивости. Первый, спускаемый сверху (*top-down*), связан с инициативами государства в данной сфере, например, установка камер для наблюдения в городских районах с высоким потенциалом нестабильности. Второй (промежуточный) предусматривает кооперацию центра с населением и бизнесом в стремлении действовать превентивно и своевременно абсорбировать шоки. Третий предполагает низовые инициативы граждан по обеспечению собственной безопасности, активное их вовлечение в построение устойчивого общества, что может быть проиллюстрировано кейсами их сообщений относительно подозрительных предметов в местах массовых скоплений людей. По мнению авторов, все вышеуказанные логики приходят в антагонистическое столкновение в силу несовместимости контроля/наблюдения, с одной стороны, и самоорганизации/инклюзии — с другой. С точки зрения Дж. Веста [24], подобная дихотомия вызывает комплекс противоречий: зачастую местные диаспоры и представители национальных меньшинств рассматриваются властями в качестве ключевых агентов низовой устойчивости общества, обладающих особой информацией о потенциально опасных индивидах и обязанных сотрудничать с полицией. В то же время надзорные и контрольные меры государства направлены на дискриминацию и исключение целого района проживания всей диаспоры, что подрывает стимулы к сотрудничеству.

В качестве наиболее примечательной черты стрессоустойчивости на современном этапе научный сотрудник Института изучения проблем мира в Осло, Марейль Кауфманн, выделяет диджитализацию, то есть активное внедрение интернет-технологий в качестве основы функционирования современного общества [18]. По ее наблюдениям, социальные сети создают новые возможности противостояния шокам как прямо во время бедствия (мониторинг окружающей среды, визуализация события), так и в период восстановления после него, например, путем осуществления сбора пожертвований (краудсорсинга). Здесь же возникает и проблема ложной информации, исключить вероятность которой невозможно в силу множественности сообщений во время бедствия. Однако другие свидетели способны корректировать эту информацию, существуют геолокационные сервисы и технологии, способные обеспечить достоверность сообщения, а также волонтеры, способные физически проверить сведения. Возникает еще одна проблема, актуальная более всего для работников экстренных служб, — потеря контроля за оперативной обстановкой из-за возможного сбоя в работе сети Интернет. Для сотрудников, организующих реагирование без прямого контакта на месте, «через экран», событие может выступать в качестве некой виртуальной реальности.

Наконец, исследователи из Университета Уорвика Джеймс Брассет и Ник Воган-Вильямс обращают внимание на другой, не менее актуальный аспект анализа

стрессоустойчивости: ее место и роль в развитии критической инфраструктуры, т.е. объектов, обладающих особой значимостью для нации и ее безопасности [5]. Их перечень обширен: от транспортных и компьютерных сетей до заводов, производящих питьевую воду. Будучи предметом активной секьюритизации, критическая инфраструктура обладает двояким статусом. С одной стороны, от ее бесперебойного функционирования во многом зависит большая часть национальной стрессоустойчивости как таковой; с другой — удар по критической инфраструктуре ставит под вопрос возможность государства/города справиться с вызовами. Следовательно, она выступает в качестве и объекта, и субъекта безопасности.

Таким образом, стрессоустойчивость выступает одновременно как ресурс и качественная характеристика прочностного потенциала общества по отношению к угрозам общественной безопасности, главной из которых остается терроризм. При этом можно условно выделить два вектора формирования стрессоустойчивости: «директивный» (когда правительство реализует комплекс мер в данной области) и «низовой» (когда общество использует имеющиеся в его распоряжении возможности). Однако, с нашей точки зрения, принципиально важно понять, какой из них наиболее точно соответствует сути данной концепции?

МЕСТО И РОЛЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Вместе с активным распространением в научном дискурсе стрессоустойчивость становилась постепенно все более востребованной на политическом уровне — в качестве одного из ключевых компонентов в подходах борьбы с терроризмом, которые стали разрабатываться в европейских странах с начала 2000-х годов. Законодателем мод здесь выступило Соединенное Королевство, которое в 2003 году утвердило национальную антитеррористическую стратегию CONTEST. Содержащиеся в каждой редакции (2003, 2009 и 2011 гг.) стратегии инициативы были сведены в четыре раздела: «Отслеживание», «Предотвращение» / “Prevent”, «Защита» / “Protect” и «Подготовка»/ “Prepare”, и в каждом из них стрессоустойчивость фигурировала в качестве организующего принципа. Однако если обратиться к редакции 2011 года, то в разных разделах данного документа стрессоустойчивость определяется по-разному. Например, применительно к «Подготовке» используется классическое определение стрессоустойчивости: способность британского правительства и населения Великобритании сводить к минимуму воздействие теракта и эффективно восстанавливаться вскоре после их совершения².

В то же время в разделе «Предотвращение» под этим термином уже понимается способность общины отречься от террористической идеологии, а также изгонять из своих рядов лиц, являющихся ее носителями. Такой плюрализм в трактовании стрессоустойчивости, на наш взгляд, существенно искажает изначальный смысл данной концепции. Кроме того, по мнению специалиста Австралийского

---

² Contest: The United Kingdom’s Strategy for Countering Terrorism // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97995/strategy-contest.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. P. 13.

центра изучения проблем кибербезопасности, Кейрана Харди, ставка политического руководства Соединенного Королевства на создание условий для выработки в британском обществе стрессоустойчивости по отношению к ненасильственному исламистскому экстремизму (non-violent Islamist extremism) создает переизбыток полномочий у исполнительной власти и в конечном счете может привести к чрезмерной фиксации на религиозном факторе при разрешении социальных проблем [12. Р. 89]. Подобный дискриминационный по отношению к мусульманскому населению подход чреват также общественным расколом и созданием «внутреннего Другого» в массовом сознании.

Примечательно также, что правительственные органы Соединенного Королевства делают ставку на *долгосрочное прогнозирование* тех угроз, при устранении которых ключевую роль может сыграть именно наличие у населения ресурса стрессоустойчивости. В частности, в Стратегии национальной безопасности Соединенного Королевства 2008 года на эти меры предусматривалось выделение 1,4 млрд фунтов стерлингов³. Кроме того, в соответствии с Законом о чрезвычайных ситуациях 2004 года в Великобритании на уровне районных управлений Службы по планированию чрезвычайных ситуаций проводятся постоянная работа по составлению перечня угроз безопасности, мероприятия по своевременному информированию населения, а также учения пожарных, медиков и полиции. Однако точно спрогнозировать риски и угрозы общественной безопасности (особенно в долгосрочной перспективе) практически невозможно и поэтому представляется, что стрессоустойчивость должна являться не целевой, а *универсальной* характеристикой.

По примеру Соединенного Королевства другие европейские государства, например, Франция⁴ и ФРГ⁵, также стали использовать стрессоустойчивость в качестве лейтмотива своих доктрин в сфере военной безопасности и борьбы с терроризмом.

Значительный интерес представляет артикуляция стрессоустойчивости в документах правительства Швеции до и после теракта в Стокгольме 7 апреля 2017 года. В августе 2015 года наряду с принятием Стратегии борьбы с терроризмом был утвержден перечень мер по повышению стрессоустойчивости к насильственному экстремизму. Этот документ включал в себя 21 инициативу

³ The National Security Strategy of the United Kingdom: Security in an Interdependent World // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228539/7291.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. Р. 43.

⁴ French White Paper on Defense and National Security of 2013 // The Official Site of the Ministry of the Armed Forces of France. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewiyutjDwMLVAhWEOhQKHVVKArUQFggnMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.defense.gouv.fr%2Fcontent%2Fdownload%2F215253%2F2394121%2Ffile%2FWhite%2520paper%2520on%2520defense%2520%25202013.pdf&usq=AFQjCNHCpoxTwXXXr4ov8Hpm3pIZu2LjA>. Дата обращения: 19.07.2017.

⁵ White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr // The Official Site of the German Marshall Fund of the United States. Режим доступа: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr>. Дата обращения: 19.07.2017.

по таким направлениям, как: координация действий между муниципальными и центральными властями, а также общественными организациями и объединениями, по защите демократии, обеспечение равных прав для членов мусульманской общины и коренного шведского населения, устранение выявленных рисков вооруженного экстремизма, создание предпосылок для выхода сомневающихся граждан из состава экстремистских группировок⁶. В тексте самой стратегии 2015 года императив стрессоустойчивости также просматривается весьма четко. Например, одно из ключевых положений в документе говорит о том, что «за борьбу с терроризмом отвечает все общество»⁷.

Еще одной примечательной характеристикой шведской стратегии является установка на более интенсивное проведение антитеррористической пропаганды через Интернет. При этом в документе особо подчеркивается, что Швеция принципиально воздерживается от блокировки экстремистских сайтов, так как это нарушает основы построения демократического общества, а вместо этого будет делать ставку на предоставление альтернативной информации, в первую очередь ориентированной на младший/подростковый возраст. В июне 2017 года, т.е. спустя несколько месяцев после теракта в Стокгольме, руководители шведских политических партий заключили соглашение о новых мерах по борьбе с терроризмом. По сравнению с «мягким» содержанием стратегии 2015 года, этот документ был выдержан в нарочито жесткой форме и делал акцент на таких мерах, как ужесточение безопасности в общественных местах, ужесточение контроля над лицами, потенциально представляющими угрозу безопасности, снятие ограничений на доступ полиции к персональным данным в процессе реализации контртеррористических мероприятий, а также предоставление Шведской службе безопасности большей свободы действий в прослушивании телефонных разговоров и радиоперехвате сообщений потенциальных террористов⁸.

На первый взгляд может показаться, что столь резкая смена тональности и акцентов в доктринальных основах борьбы с терроризмом свидетельствует о деактуализации стрессоустойчивости. Однако с обоснованностью приведенных выше мер трудно спорить, если учесть устойчивый рост количества вооруженных экстремистов и сторонников ИГИЛ в иммигрантской среде Швеции. В частности, руководитель шведской контрразведки SÄPO Андерс Торнберг в недавнем интервью высказал крайнюю обеспокоенность тем, что ежемесячное количество

---

⁶ Actions to Make Society More Resilient to Violent Extremism // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: <http://www.government.se/contentassets/ef243295e51d4635b4870963b18bfa89/actions-to-make-society-more-resilient-to-violent-extremism-2014-15-144.pdf>. Дата обращения: 19.07.2017.

⁷ Prevent, Preempt and Protect: The Swedish Counter-terrorism Strategy // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: http://www.government.se/contentassets/b56cad17b4434118b16cf449dbdc973d/en_strategi-slutlig-eng.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. P. 43.

⁸ Agreement on Anti-terrorism Measures // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: <http://www.government.se/49f005/contentassets/2f681fbd159d451795b744523a96f955/Agreement-on-anti-terrorism-measures.pdf>. Дата обращения: 19.07.2017.

информационных сообщений о готовящихся терактах, которые получает его Служба, увеличилось с двух тысяч в 2012 году до шести тысяч в 2016 году⁹. Соответственно, приведенные выше меры рассматриваются как абсолютно необходимые, но в то же время непротиворечащие стрессоустойчивости шведского общества.

В отличие от европейских стран, в политическом дискурсе Российской Федерации стрессоустойчивость развернутого отражения пока не нашла. В частности, в концепции противодействия терроризму, утвержденной Правительством РФ в октябре 2009 года, данный термин вообще не упоминается. Изложенные в данном документе меры преимущественно выдержаны в военно-силовом ключе и сгруппированы по шести направлениям: политическому, социально-экономическому, правовому, информационному, организационно-техническому и культурно-образовательному¹⁰.

В рамках последнего направления важно обратить внимание на положение о необходимости «создания условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога». Несмотря на отсутствие дальнейшей конкретизации в тексте документа, данная формулировка гораздо точнее отражает смысл концепции стрессоустойчивости, чем аналогичные положения в доктринах западно-европейских стран, потому что исключает «директивное» развитие навыков стрессоустойчивости в обществе. Также примечательно, что в Концепции 2009 года в качестве субъектов противодействия терроризму упоминаются сами граждане. Правда, их роль в данном качестве сводится пока лишь к «оказанию содействия органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении антитеррористических мероприятий»¹¹. В целом же приведенные положения свидетельствуют о наличии реальных предпосылок для внедрения понятия «стрессоустойчивость» в российский общественно-политический дискурс.

Анализ концептуальных основ борьбы с терроризмом, принятых в различных странах, позволяет нам сделать вывод о том, что государство в целом крайне заинтересовано в формировании у общества потенциала стрессоустойчивости. Однако основная проблема зачастую возникает в том, что оно подходит к решению этой задачи в директивном ключе, воспринимая стрессоустойчивость как один из инструментов политики по борьбе с терроризмом. Это совершенно не коррелируется с изначальным смыслом данной концепции, которая является скорее универсальным свойством общества конкретной страны. Гораздо более положительной оказывается роль государства в том случае, когда оно *создает благо-*

⁹ Thousands of Violent Terrorists in Sweden: Security Police // The European Union Times. 06.2017. Режим доступа: <http://www.eutimes.net/2017/06/thousands-of-violent-terrorists-in-sweden-security-police/>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁰ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 20.10.2009 г. // Российская газета. 20.10.2009. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 20.10.2009 г. // Российская газета. П. 7. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>. Дата обращения: 19.07.2017.

приятные условия для проявления и укрепления стрессоустойчивости на низовом уровне (что наиболее характерно для шведского подхода). Проследить это мы предлагаем на конкретных примерах.

CASE-STUDY: ПРОЯВЛЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ ТЕРАКТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И СТОКГОЛЬМЕ

Явные проявления стрессоустойчивости общества в контексте террористической угрозы хорошо демонстрируют два недавних примера: теракты в петербургском метро 3 апреля и в Стокгольме 7 апреля 2017 года.

Анализ эмпирического материала, представленного в публикациях местной периодической печати, позволяет выделить три основополагающих аспекта стрессоустойчивости жителей Санкт-Петербурга во время совершения теракта в петербургском метро.

Первый — это *стихийная низовая самоорганизация* жителей города перед лицом экзистенциальной опасности. Службы такси предоставляли свои услуги по определенным маршрутам без оплаты, к благотворительным акциям присоединились и заправочные станции, равно как и некоторые заведения быстрого питания. Множество рядовых водителей бесплатно подвозили нуждающихся до места их проживания, а оперативно организованные волонтерские группы внесли свой вклад в устранение последствий кризиса [3].

Другой важнейшей характеристикой реакции общества на теракт явилась *общественная солидарность* в условиях экстренной ситуации. очевидцы подчеркивали бросающееся в глаза сочувственное отношение людей друг к другу в этот день при практически полном отсутствии массовых панических настроений¹². Также свидетели отмечали стремление граждан оказать первую помощь пострадавшим непосредственно на месте взрыва, а уже после трагедии около пунктов сбора крови выстраивались целые очереди из желающих продемонстрировать свою равнодушную позицию в критический момент¹³.

Такая сплоченность многомиллионного капиталистического индивидуалистического мегаполиса стала возможной во многом благодаря третьему фактору — *координирующей роли социальных сетей*. Водители бесплатно доставляли нуждающихся до места проживания именно с помощью хэштега «домой» в социальных сетях¹⁴, они же стали площадкой для взаимодействия волонтеров, пострадавших и просто попавших в транспортный коллапс жителей. Именно в социальных сетях были распространены первые сообщения о произошедшем, а некоторые порталы

¹² Особенности города: Теракт в метро сплотил жителей Петербурга // Госновости. 04.2017. Режим доступа: <http://gosnovosti.com/2017/04/теракт-в-метро-сплотил-жителей-петерб/>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹³ «Будем пить чай и гладить котов». Что показала реакция жителей Петербурга на теракт // Газета.Ru. 04.04.2017. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2017/04/04_e_10610537.shtml. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁴ Как теракт сплотил Петербург // Фонтанка. ру. 03.04.2017. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2017/04/03/172/>. Дата обращения: 19.07.2017.

создали функцию для оповещения близких о своем состоянии и местоположении в условиях начавшихся перебоев с мобильной связью [1]. Таким образом, «диджитализация» средств коммуникации предоставила ресурсы для адекватного своевременного реагирования общества на вызов и обеспечила социальную экосистему для максимально публичной дискуссии во время трагедии и после нее. Подавляющая часть наиболее влиятельных интернет-сообществ выразила поддержку жертвам теракта и городу в целом, присоединившись к сочувствующим комментариям как рядовых граждан, так и заметных представителей медиасреды¹⁵.

Все это в совокупности убедительно свидетельствует, что стрессоустойчивость как прочностная характеристика городского социума формируется внутри него самого, а не насаждается сверху предписаниями органов власти и официальными документами.

Релевантность данного тезиса подтверждается сопоставлением вышеописанных примеров стрессоустойчивости петербуржцев к непосредственному воздействию террористической угрозы с реакцией жителей Стокгольма, оказавшихся спустя всего несколько дней в аналогичной ситуации. Практически во всех публикациях западной печати по данной теме красной линией проходит акцент на важности в подобный момент сплоченности и взаимовыручки в обществе. Например, так же как и в Санкт-Петербурге, транспортная сеть столицы Швеции в первые часы после трагедии оказалась парализована экстренными мерами служб безопасности, и тогда жители города создали в сети Твиттер хэштег «#openstockholm» для желающих открыть двери своего дома и предоставить ночлег всем людям, оказавшимся вне зоны доступа средств передвижения [26].

Отличительной же чертой стрессоустойчивости в случае с терактом в Стокгольме стал публичный акцент на необходимости сохранения открытости и терпимости в обществе перед лицом нетолерантных сил в лице международного терроризма [25]. Для сравнения, в Санкт-Петербурге, наоборот, фиксировался закономерный в таких ситуациях всплеск антимусульманских настроений¹⁶ и провокаций [2].

Если же обратиться к другим примерам, то становится очевидно, что стрессоустойчивая реакция жителей Стокгольма или Санкт-Петербурга не является чем-то уникальным в своем роде. Абсолютно идентичные проявления фиксировались зарубежными СМИ и после терактов в Париже 2015 года: водители бесплатно помогают попавшим в транспортный коллапс жителям французской столицы добраться до дома, где в процессах самоорганизации ключевую роль играют координирующие возможности социальных сетей [16]. В свою очередь, анали-

¹⁵ Социальные сети скорбят: #питердержись // Piter. TV. Режим доступа: https://piter.tv/event/Social_nie_seti_skorbyat/. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁶ Мусульмане Санкт-Петербурга — о теракте 3 апреля // Deutsche Welle. 04.04.2017. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%82-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0-%D0%BE-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5-3-%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8F/av-38306523>. Дата обращения: 19.07.2017.

зируя последствия взрывов на бостонском марафоне в январе 2015 года, директор Фонда Рокфеллера, Джудит Родин, приходит к выводу о том, что как профильные ведомства (муниципальные/городские власти, полиция, медицинский сектор), так и рядовые граждане продемонстрировали высокий уровень сплоченности. По ее мнению, это произошло исключительно благодаря тому, что алгоритмы действий в подобных ситуациях были заранее отработаны в ходе учений Urban Shield и поэтому теракт не стал для бостонцев шоком [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что перед лицом возрастающей угрозы со стороны международного терроризма стрессоустойчивость становится ядром новой парадигмы общественной безопасности Запада. В российском общественно-политическом дискурсе данное понятие пока не представлено. Однако в содержании Концепции 2009 года прослеживаются вполне конкретные предпосылки для его артикуляции и последующей интеграции в область открытой публичной дискуссии.

Сопоставление реакции городского населения на теракты в Санкт-Петербурге и Стокгольме позволило сделать важный вывод о том, что как в России, так и в европейских странах стрессоустойчивость имеет ряд идентичных проявлений.

Во-первых, в условиях кризиса активизируется низовая гражданская самоорганизация, которая позволяет смягчить негативные эффекты, прежде всего, от характерных для экстренных ситуаций транспортных коллапсов.

Во-вторых, городской социум в день трагедии и после него продемонстрировал высокую степень солидарности и сочувственного отношения, что выразилось во взаимной помощи граждан в процессе нейтрализации последствий теракта.

Наконец, обе вышеупомянутые особенности реакции общества стали возможны благодаря координирующей роли социальных сетей, которые выступили в качестве публичной площадки для открытой коммуникации жителей Санкт-Петербурга и всей России. Вследствие стихийного проявления данных характеристик общество оказалось способным к реагированию на экзистенциальный вызов и последующей адаптации. При этом рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что конструктивная роль государства в культивировании стрессоустойчивости общества, заключается не в директивном регулировании, а в создании наиболее благоприятных условий для раскрытия прочностного потенциала на низовом уровне.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарность: Данная статья была подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России» (проект № 17-18-01110). Авторы выражают глубокую благодарность Е.Б. Павловой и Т.А. Романовой за ценные советы, комментарии и замечания при работе над рукописью статьи.

Acknowledgments: This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation “The concept of stress resistance (resilience) of the European Union: articulation and its consequences for Russia” (project № 17-18-01110). The authors express their deep gratitude to E.B. Pavlova and T.A. Romanova for valuable advices, comments and remarks when working on the article.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Голованова Т. #домой. В Петербурге сработали социальные сети человечности // РИА Новости. 04.04.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/accents/20170404/1491463497.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [2] Громов В. Взрыв халяльной направленности // Газета.Ру. 05.05.2010. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2010/05/05/3363142.shtml>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [3] Сидоров Д. «Люди стали людьми». Как теракт в Петербурге сплотил россиян // Лента.ру. 04.04.2017. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/spb_humanity/. Дата обращения: 19.07.2017.
- [4] Bennhold K. London's New Normal: Resilient, Yes. But Not Entirely Intrepid // The New York Times. 06.15.2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/world/europe/uk-london.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [5] Brassett J., Vaughan-Williams N. Security and the Performative Politics of Resilience: Critical Infrastructure Protection and Humanitarian Emergency Preparedness // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 32—50.
- [6] Chmutina K., Bosher L.S. Managing Disaster Risk and Resilience in the UK: Response vs. Prevention in Policy and Practice // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 267—279.
- [7] Coaffee J., Fussey P. Constructing Resilience through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 86—105.
- [8] Cretney R., Bond S. 'Bouncing back' to Capitalism? Grass-Roots Autonomous Activism in Shaping Discourses of Resilience and Transformation Following Disaster // Resilience. 2014. Vol. 2. № 1. P. 18—31.
- [9] Dunn Cavelti M., Kaufmann M., Søby Kristensen K. Resilience and (In)security: Practices, Subjects, Temporalities // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 3—14.
- [10] Evans B., Reid J. Dangerously Exposed: The Life and Death of the Resilient Subject // Resilience. 2013. Vol. 1. № 2. P. 83—98.
- [11] Grove K. Hidden Transcripts of Resilience in Jamaican Disaster Management // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 370—382.
- [12] Hardy K. Resilience in UK Counter-terrorism // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19. № 1. P. 77—94.
- [13] Heath-Kelly C. The Disastrous Temporality of the 'Recovery-To-Come' // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 307—317.
- [14] Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. № 1. P. 1—23.
- [15] Holling, C.S., Gunderson, L.H. (Eds.). Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems. Washington: Island Press, 2002. 536 p.
- [16] Hong E. Resilience in Paris // Los Angeles Times. 13.11.2015. Режим доступа: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-resilience-in-paris-20151113-story.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [17] Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach // Resilience. 2013. Vol. 1. № 1. P. 38—52.
- [18] Kaufmann M. The Digitization of Resilience // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 106—119.
- [19] Kino N. The Stockholm Attack Proved the Swedish People's Resilience // Huffington Post. 04.08.2017. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/entry/terror-attack-in-stockholm-when-the-going-got-tough_us_58e91243e4b06f8c18beec5d. Дата обращения: 19. 07. 2017.

- [20] *Moore J.* After London, Nice and Berlin Vehicle Attacks, what Can Cities Do to Prevent More? // *Newsweek*. 23.03.2017. Режим доступа: <http://www.newsweek.com/after-london-nice-and-berlin-what-can-cities-do-prevent-car-ramming-attacks-572692>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [21] *O'Malley P.* Resilient Subjects: Uncertainty, Warfare and Liberalism // *Economy and Society*. 2010. Vol. 39. № 4. P. 488—509.
- [22] *Rodin J.* The Boston Marathon Bombing: How the City Coped with its Deadly Terror Attack // *The Guardian*. 12.02.2015. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jan/12/boston-marathon-bombing-how-city-coped-deadly-terror-attack>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [23] *Thiede B.* Resilience and Development among Ultra-Poor Households in Rural Ethiopia // *Resilience*. 2016. Vol. 4. № 1. P. 1—13.
- [24] *West J.* Securing “Resilient Communities” to Prevent Terrorism // *The Routledge Handbook of International Resilience* / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 318—330.
- [25] *Wretborn S.* Stockholm — A city of Diversity and Resilience // *Stockholm Data Parks*. 10.04.2017. Режим доступа: <https://stockholmdataparks.com/2017/04/10/stockholm-city-diversity-resilience/>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [26] *Yusuf H.* Truck Drives into Crowd in Stockholm, Killing Four People // *The Guardian*. 07.04.2017. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/07/truck-crashes-in-central-stockholm-sweden>. Дата обращения: 19.07.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

Research Article

RESILIENCE CONCEPT AS A METHODOLOGICAL BASIS OF A NEW APPROACH TO COUNTERING INTERNATIONAL TERRORISM

D.S. Tulupov, G.V. Kotsur

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The aim of this article is to identify actual and prospective opportunities for the use of “resilience” concept in counter-terrorism warfare. The resilience is usually defined as an ability of an individual, society or ecosystem to recover or adapt after a shock. Discourse-analysis of the local periodical press enabled authors to draw two important conclusions. Firstly, resilience as a strength feature of a (city) community is internally generated, rather than imposed from top down. Secondly, the resilience of urban population to terrorism both in Russia and in European countries has similar features, namely the high degree of low-level civil self-organization and active use of social networks potential. The relevance of resilience serves as an indicator that this concept has become a core element of a new public security paradigm in the West. At the same time, resilience is not featuring in the Russian social-political discourse at all. However, authors have identified a number of provisions in the 2009 Concept of combating against terrorism, which might be considered as feasible prerequisites for the articulation of resilience in the Russian discourse in the future. Filling this gap might be a strategically important task in context of enhancement of the Russian Federation’s strategy of counter-terrorism activity.

Key words: international terrorism, resilience, public security, fight against terrorism, antiterrorist strategies, civil self-organization, social solidarity

REFERENCES

- [1] Golovanova T. #home. Social Networks Humanity Worked in St. Petersburg. *RIA Novosti*. 04.04.2017. Available from: <https://ria.ru/accents/20170404/1491463497.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [2] Gromov V. The Explosion of the Halal Focus. *Gazeta.Ru*. 05.05.2010. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2010/05/05/3363142.shtml>. Accessed: 19.07.2017.
- [3] Sidorov D. “People Have Become People”. As a Terrorist Attack in St. Petersburg Rallied the Russians. *Lenta.ru*. 04.04.2017. Available from: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/spb_humanity/. Accessed: 19.07.2017.
- [4] Bennhold K. London’s New Normal: Resilient, Yes. But Not Entirely Intrepid. *The New York Times*. 06.15.2017. Available from: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/world/europe/uk-london.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [5] Brassett J., Vaughan-Williams N. Security and the Performative Politics of Resilience: Critical Infrastructure Protection and Humanitarian Emergency Preparedness. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 32—50.
- [6] Chmutina K., Boshier L.S. Managing Disaster Risk and Resilience in the UK: Response vs. Prevention in Policy and Practice. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 267—279.
- [7] Coaffee J., Fussey P. Constructing Resilience through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 86—105.
- [8] Cretney R., Bond S. ‘Bouncing back’ to Capitalism? Grass-Roots Autonomous Activism in Shaping Discourses of Resilience and Transformation Following Disaster. *Resilience*. 2014; 2 (1): 18—31.
- [9] Dunn Cavelti M., Kaufmann M., & Soby Kristensen K. Resilience and (In)security: Practices, Subjects, Temporalities. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 3—14.
- [10] Evans B., Reid J. Dangerously Exposed: The Life and Death of the Resilient Subject. *Resilience*. 2013; 1 (2): 83—98.
- [11] Grove K. Hidden Transcripts of Resilience in Jamaican Disaster Management. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 370—382.
- [12] Hardy K. Resilience in UK Counter-terrorism. *Theoretical Criminology*. 2015; 19 (1): 77—94.
- [13] Heath-Kelly C. The Disastrous Temporality of the ‘Recovery-To-Come’. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 307—317.
- [14] Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973; 4 (1): 1—23.
- [15] Holling C.S., Gunderson L.H. (Eds.). *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems*. Washington: Island Press; 2002. 536.
- [16] Hong E. Resilience in Paris. *Los Angeles Times*. 13.11.2015. Available from: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-resilience-in-paris-20151113-story.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [17] Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach. *Resilience*. 2013; 1 (1): 38—52.
- [18] Kaufmann M. The Digitization of Resilience. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 106—119.
- [19] Kino N. The Stockholm Attack Proved the Swedish People’s Resilience. *Huffington Post*. 04.08.2017. Available from: http://www.huffingtonpost.com/entry/terror-attack-in-stockholm-when-the-going-got-tough_us_58e91243e4b06f8c18beec5d. Accessed: 19.07.2017.
- [20] Moore J. After London, Nice and Berlin Vehicle Attacks, what Can Cities Do to Prevent More? *Newsweek*. 23.03.2017. Available from: <http://www.newsweek.com/after-london-nice-and-berlin-what-can-cities-do-prevent-car-ramming-attacks-572692>. Accessed: 19.07.2017.

- [21] O'Malley P. Resilient subjects: Uncertainty, Warfare and Liberalism. *Economy and Society*. 2010; 39 (4): 488—509.
- [22] Rodin J. The Boston Marathon Bombing: How the City Coped with its Deadly Terror Attack. *The Guardian*. 12.02.2015. Available from: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jan/12/boston-marathon-bombing-how-city-coped-deadly-terror-attack>. Accessed: 19.07.2017.
- [23] Thiede B. Resilience and Development among Ultra-Poor Households in Rural Ethiopia. *Resilience*. 2016; 4 (1): 1—13.
- [24] West J. Securing “Resilient Communities” to Prevent Terrorism. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 318—330.
- [25] Wretborn S. Stockholm — A city of Diversity and Resilience. *Stockholm Data Parks*. 10.04.2017. Available from: <https://stockholmdataparks.com/2017/04/10/stockholm-city-diversity-resilience/>. Accessed: 19.07.2017.
- [26] Yusuf H. Truck Drives into Crowd in Stockholm, Killing Four People. *The Guardian*. 07.04.2017. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/07/truck-crashes-in-central-stockholm-sweden>. Accessed: 19.07.2017.

Сведения об авторах:

Тулупов Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: touloupovd@yandex.ru).

Коцур Глеб Владиславович — исполнитель по проекту «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России», грант РФФ № 17-18-01110 (e-mail: glebk17@gmail.com).

Information about the authors:

Dmitriy S. Tulupov — PhD in History, Senior Lecturer of the Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (e-mail: touloupovd@yandex.ru).

Gleb V. Kotsur — Contractor of the Grant of the Russian Science Foundation Project “The Concept of Stress Resistance (Resilience) of the European Union: Articulation and Its Consequences for Russia” (№ 17-18-01110) (e-mail: glebk17@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Тулупов Д.С., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости как методологическая основа нового подхода к борьбе с международным терроризмом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 358—372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372.

For citation:

Tulupov D.S., Kotsur G.V. Resilience Concept as a Methodological Basis of a New Approach to Countering International Terrorism. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 358—372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372.